

Ник Нил

Анатомия пепла. Том 1: Код 404

18+

Ник Нил

Анатомия пепла. Том 1: Код 404

«Автор»

2026

Нил Н.

Анатомия пепла. Том 1: Код 404 / Н. Нил — «Автор», 2026

Они думали, что строят будущее. Они построили гробницу. Илья — «пустота». Идеальный студент для закрытой академии «Эшмур», где учат не программированию, а манипуляции чужим безумием. Его единственное преимущество — он невидим для системы «Феникс», древнего алгоритма, который питается человеческим страхом. Вера — «Архангел». Живое оружие, созданное для того, чтобы сжигать ошибки системы. Она — идеальный хищник, пока не встречается того, кого не может просчитать. Когда «Феникс» выходит из-под контроля и древний бог под названием «Дейтерий» начинает просыпаться под фундаментом городов, Илья и Вера понимают: их академии — это не школы. Это инкубаторы. А они — не студенты. Они — запчасти. Чтобы остановить конец света, им придется спуститься в самые темные глубины — от ледяных пещер Арктики до пылающего ядра Земли. Но как победить систему, если ты сам являешься её кодом?

© Нил Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел в переплете	5
Глава 2. Анатомия отсутствия	7
Глава 3. Валюта отчаяния	9
Глава 4. Нити, светящиеся в темноте	12
Глава 5. Анатомия бессонницы	15
Глава 6. Анатомия лжи	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ник Нил

Анатомия пепла. Том 1: Код 404

Глава 1. Пепел в переплете

Сеттинг:

Академия «Эшмур» — закрытый частный университет для одаренных, расположенный на изолированном архипелаге в Северном море. Попастъ туда можно только по протекции или за выдающиеся способности. Главное здание — неоготический замок, построенный на месте древнего монастыря. Под академией находится сеть катакомб и затопленных крипт, а на гербе изображен феникс, пожирающий собственную тень.

Главные герои:

* Илья (20 лет) — переводится на третий курс на кафедру семиотики и мертвых языков. Тихий, наблюдательный, с фотографической памятью. Поступил в «Эшмур» не по праву, а по чужому билету, чтобы найти следы пропавшей три года назад сестры.

* Вера (19 лет) — наследница династии, курирующей Академию. Глава закрытого студенческого общества «Серапис», изучающего запретную ритуалистику. Холодная, расчетливая, носит на шее ключ от Архива, к которому никто не имеет доступа. Знает об «Эшмуре» всё, но делает вид, что ей скучно.

Пепел в переплете

Ворота Академии «Эшмур» не открывались с 1924 года. Их кованые створки, почерневшие от копоти неведомого пожара, просто осели в камне, и студенты попадали внутрь через подземную капеллу, где пахло озоном и старым воском.

Илья вдохнул этот воздух еще на пароме. Пепел.

Он стоял на мокрой брусчатке внутреннего двора, засунув руки глубоко в карманы тяжелого шерстяного пальто. Сентябрьский ветер с Северного моря пробирал до костей, но холодно Илье не было. Ему было тесно в собственной коже. На плече висела сумка, в которой под сменой белья и тремя томами «Грамматики мертвых диалектов» лежала единственная вещь, принадлежавшая сестре — студенческий билет «Эшмура» выпуска 2021 года. На фотографии Лера улыбалась, и в левом уголке ее рта темнела крошечная родинка.

Лера исчезла в ночь выпускного. Полиция назвала это «уходом в состоянии аффекта». Вода, таблетки, записка, смытая дождем. Илья знал, что сестра никогда бы не открыла окно, если бы за ним не было твердой опоры. А за окном их комнаты в общежитии была только отвесная скала.

— Новенький, вы собираетесь мокнуть до второго пришествия или все-таки зайдете? — голос ударил его в плечо.

Илья обернулся. Девушка была одета в идеально скроенный твидовый костюм цвета горького шоколада. На ее шее, на простой серебряной цепочке, висел массивный латунный ключ. Он был старым, с витиеватой бородкой в форме лабиринта, и казался слишком тяжелым для тонкой девичьей шеи.

— В библиотеку, — сказал Илья первое, что пришло в голову. — Мне нужен сектор «Д». Девушка усмехнулась, и в ее темных глазах блеснуло что-то хищное.

— Сектор «Д» закрыт со времен Реформации. Там хранятся только пепел и ересь.

— Мне нужна ересь, — ровно ответил Илья. — По кафедре семиотики.

Она подошла ближе. От нее пахло озоном, дорогим табаком и чем-то сладковато-химическим, как от проявителя для старых пленок.

— Я знаю всех на семиотике. Тебя там нет.

— Я перевелся. Внеочередной набор.

Она прищурилась, сканируя его лицо. Илья не отвел взгляд, хотя под этим взглядом чувствовал себя препарированной лягушкой.

— Ты лжешь, — констатировала она. — Твой акцент. Ты с материка. На архипелаге так не говорят. И твои руки.

Илья инстинктивно спрятал ладони. На костяшках пальцев до сих пор темнели ссадины — три месяца назад он выбивал признание из дилера в портовом районе, но тот так и не сказал, кто продал Лере последнюю партию.

— Ректор в курсе, — соврал Илья. — Письмо о зачислении придет с вечерней почтой.

Девушка вдруг шагнула вплотную, сокращая дистанцию до неприличной. Ее пальцы — ледяные, с коротко стриженными ногтями — коснулись воротника его пальто.

— В «Эшмуре» нет случайных людей, — прошептала она, и ее дыхание опалило его щеку. — Если ты здесь, значит, ты ищешь что-то, что Академия очень хочет спрятать.

Она отступила, достала из внутреннего кармана пиджака узкую латунную карту-ключ и протянула ему.

— Меня зовут Вера. Это пропуск в западное крыло. Общежитие для стипендиатов там, в казематах. Там сыро, Илья. И крысы часто доедают первокурсников. Не разочаруй меня.

Она развернулась и пошла в сторону главного корпуса, не оглядываясь. Каблуки ее кожаных ботинок выбивали по брусчатке сухой, ритмичный стук.

Илья разжал ладонь. Карта была теплой. На обратной стороне витиеватым шрифтом было выгравировано: «Societas Serapis. Ключ не открывает двери. Он решает, достойна ли дверь быть открытой».

Он спрятал карту во внутренний карман, прямо к сердцу, рядом с билетом сестры.

Первый день в Академии «Эшмур» только начался, а Илья уже знал две вещи. Первое: Вера, наследница тех, кто владеет этим местом, знает, что он ищет. И второе: в ночь исчезновения Леры в секторе «Д» университетской библиотеки не сгорело ни одной книги.

Их просто не было на полках.

Глава 2. Анатомия отсутствия

Сектор «Д» не охранялся. В Академии «Эшмур» лучшей охраной считалась институциональная слепота: если на старых картах библиотеки это крыло обозначено как «обрушившееся в 1842 году», то для ректората его просто не существует.

Ключ Веры — тяжелый, витой — вошел в замочную скважину западной двери с глухим, утробным щелчком. Древнее дерево створок даже не скрипнуло. Оно просто втянуло Илью внутрь, отрезая запах озона и мокрой брусчатки. Здесь пахло иначе: сухим тленом, жженым сахаром и озоном другого рода — тем, что предшествует удару молнии в закрытом помещении.

Сектор «Д» не был разрушен. Он был отсутствующим.

Стеллажи из черного дуба висели в воздухе. Они не касались ни пола, ни сводчатого потолка. Книги парили между ними, удерживаемые не магией, а тонкими серебряными цепями, вросшими в корешки. Свет не горел, но тысячи книжных обрезов едва заметно флуоресцировали, пульсируя в такт медленному, тяжелому дыханию самого здания. Это была не библиотека. Это был склеп для идей, которые убили своих создателей.

Илья достал студенческий билет сестры. Фотография Леры смотрела на него с кусочка ламинированного пластика. Илья закрыл глаза, восстанавливая в памяти план подвала главного корпуса, который он выучил наизусть по украденным чертежам. Сектор «Д» находился точно под кафедрой теологии. А кафедра теологии в «Эшмуре» занималась не Богом. Она занималась пустотой.

Он пошел вдоль левитирующих полок, касаясь пальцами ледяных цепей. Он искал не книгу. Он искал нарушение геометрии. Лера всегда была педантичной. Если она брала книгу, чтобы спрятать в ней что-то, она ставила ее на долю миллиметра дальше от края, чем соседние.

Пальцы наткнулись на пустоту.

Илья замер. На уровне его груди, между трактатом по демонологии на арамейском и «Анатомией меланхолии» Бёртона, зияла дыра шириной ровно в семь сантиметров. Цепь, которая должна была удерживать фолиант, была перекушена. Срез серебра оплавился, как от направленной плазменной горелки.

Илья провел рукой по воздуху. Там, где должна была стоять книга, пространство было на градус теплее.

Он достал из сумки тонкий фонарик. Луч света выхватил из темноты внутреннюю поверхность соседнего фолианта — «Кодекса пепельных снов». На внутренней стороне задней обложки, под слоем форзацной бумаги, лезвием был вырезан крошечный, почти невидимый глаз. Лера оставила ему метку. Она знала, что он придет.

Илья поддел форзац ногтем. Бумага поддалась с тихим, влажным треском. Внутри, в вырезанной нише, не было письма. Там лежала половинка игровой карты — бубновый туз — и латунный жетон с выбитым на нем номером: 404.

— Ищешь то, чего нет? — голос Веры прозвучал не за спиной. Он прозвучал прямо над его ухом.

Илья резко обернулся, роняя фонарик. Свет погас, погрузив сектор в первобытную, пульсирующую тьму. Но глаза Веры светились. В буквальном смысле — радужка горела тусклым янтарным огнем, как у кошки.

— Ты не должен был это трогать, — сказала она. В ее руке не было фонарика, но тьма вокруг нее казалась на оттенок светлее. — «Кодекс пепельных снов» — это не книга. Это ловушка. Тот, кто вскрывает его форзац без допуска, отдает Архиву право на свою долговременную память.

— Я ничего не чувствую, — хрипло ответил Илья, прижимая к груди жетон и карту.

— Ты еще не спал в «Эшмуре», — Вера шагнула к нему. Ее ботинки не издавали ни звука. — Синдром пепла начинается на третью ночь. Сначала ты забудешь, что ел на завтрак. Потом — как звучит голос матери. А когда ты забудешь лицо сестры, пепел начнет выходить через поры.

Она протянула руку. На ее ладони лежал второй бубновый туз.

— У тебя половина. У меня — вторая. Лера играла с нами в покер, Илья. Только ставкой в ее игре была не валюта.

Илья сжал жетон в кулаке так, что края латуни впились в кожу.

— Где вторая половина книги?

— Сожжена, — Вера подошла вплотную, и Илья почувствовал, как по его запястьям пробежал холод. — Но огонь в «Эшмуре» ничего не уничтожает. Он просто переводит материю в другое состояние. Твоя сестра не оставила записку на бумаге. Она вплела ее в гобелен в северном крыле. В узор из терновника. Но чтобы увидеть текст, нужно смотреть на него в спектре, который человеческий глаз не воспринимает.

— Ультрафиолет? Инфракрасный?

— Спектр вины, — Вера улыбнулась, и в темноте блеснули слишком острые клыки. — Или отчаяния. Выбирай, переводчик. У тебя есть жетон 404. Это код доступа к терминалам в катакомбах. Но терминал не включится от электричества. Он работает на другой валюте.

— На чем? — спросил Илья, хотя уже знал ответ. В горле пересохло.

Вера взяла его свободную руку и перевернула ладонью вверх. Провела по ней своим ледяным пальцем, очерчивая линии жизни.

— На воспоминаниях, которые причиняют боль. Чтобы терминал вывел на экран один байт информации, ты должен скормить ему самое яркое, самое разрушительное воспоминание о Лере. Архив — очень голодный мальчик, Илья.

Она отпустила его руку и отступила во тьму. Секунду ее янтарные глаза еще светились, а затем погасли.

— Сектор «Д» закрывается на рассвете. Если не выйдешь до первого удара колокола, станешь одним из стеллажей. Цепи здесь всегда нуждаются в новом серебре.

Вера растворилась в темноте между левитирующими книгами. Илья остался один.

Он разжал кулак. Жетон 404 обжигал ладонь. Илья поднес его к глазам. В тусклом свете фосфоресцирующих книг он наконец заметил то, что пропустил в первый раз. На обратной стороне жетона была выгравирована микроскопическая схема — переплетение артерий и нервных узлов, формирующее очертания человеческого сердца. А в центре, где должен был находиться синусовый узел, был нарисован крошечный бубновый туз.

Илья сунул жетон в рот, чувствуя на языке привкус меди и старой пыли. Он спрятал карту в ботинок.

Первую подсказку Лера оставила в месте, которого нет. Вторую — в анатомии пустоты.

Илья развернулся и пошел к выходу из сектора «Д». За его спиной одна из парящих книг медленно, с сухим шелестом, опустилась на серебряную цепь, занимая ровно семь сантиметров пустоты. Библиотека восстановила свою геометрию.

На выходе, когда тяжелая дверь отрезала его от пульсирующей тьмы, Илья посмотрел на свои руки. На костяшках пальцев, там, где были старые ссадины, проступила едва заметная серая пыль. Она пахла жженой бумагой и миндалем.

Первый день в Академии «Эшмур» закончился. До рассвета оставалось шесть часов. И Илья точно знал, какое воспоминание он скормит голодному терминалу в катакомбах. (Вдохновлено эстетикой и механиками взаимодействия с памятью в романе Ли Бардуго «Девятый дом», где травмы и воспоминания героев имеют физический вес и могут использоваться как ресурс).

Глава 3. Валюта отчаяния

В «Эшмуре» не было подвалов. Были катакомбы — трехъярусная кровеносная система замка, по которой вместо грунтовых вод текла сточная вода, вековая тишина и коллективный невроз студентов. Вход в них находился за исповедальней старой капеллы, там, где камень пола был на два дюйма темнее от пролитого воска.

Илья спустился по винтовой лестнице, придерживаясь за влажные, поросшие светящимся мхом стены. Воздух густел с каждым шагом. На минус втором ярусе пахло озером, на минус третьем — формальдегидом и озоном, тем самым, что висел в секторе «Д».

Туннель сужался. Своды из грубо тесанного камня сменились идеально гладким, черным обсидианом, который не отражал свет фонарика, а впитывал его. Стены здесь были теплыми, почти горячими, и Илья явственно чувствовал под пальцами медленный, ритмичный пульс. Академия «Эшмур» была живым организмом, и он только что вошел в ее желудочный сок.

Терминал 404 нашелся в пересечении трех коридоров.

Это не был компьютер. Это был алтарь. Массивный блок из того же обсидиана, вросший в пол, высотой в человеческий рост. На его поверхности не было ни кнопок, ни экрана. Только идеально гладкая выемка в форме человеческого сердца — та самая схема с жетона — и узкая щель для карты-ключа.

Илья достал жетон. Латунь в его пальцах стала неестественно тяжелой. Он вставил его в щель.

Раздался звук, похожий на глоток. Глубокий, влажный, чавкающий. Обсидиановая плита перед ним пошла рябью, как вода от брошенного камня, и на мгновение стала прозрачной. За ней открылось не цифровое пространство, а анатомический театр.

«ВАЛЮТА ПРИНЯТА. СИСТЕМА ГОЛОДНА», — вспыхнули в воздухе буквы, сложенные из тончайших нитей паутины. — «ВЫБЕРИТЕ СЕГМЕНТ ДЕПОЗИТА».

Илья сжал кулак. Жетон в его ладони раскалился. Система ждала. Она хотела не пароль. Она хотела плоть его памяти.

Он закрыл глаза.

Лера.

Он мог отдать системе день, когда они хоронили отца. Сухую, формальную скорбь. Архив бы выплюнул ее, как безвкусную жвачку.

Он мог отдать день выпускного Леры, когда она смеялась, запивая дешевое шампанское. Слишком поверхностно.

Архив хотел то, что Илья сам пытался вырезать из себя скальпелем последние три года. То, из-за чего он пошел работать вышибалой в порту. То, из-за чего его костяшки до сих пор помнили вкус чужой крови.

Мотель «Сосновый бор». Три месяца назад.

Илья выдохнул и прижал ладонь к обсидиановому алтарю. Кожа коснулась камня.

— Загрузка, — прошептал он.

Боль не была острой. Она была обволакивающей. Камень втянул его руку по локоть, и ледяной, химический холод начал высасывать не кровь, а образы.

Запах дешевого табака и застарелого пота в прокуренном номере. Дрожащий свет неоновой вывески за окном. Лицо дилера — бледное, покрытое бисеринками пота, с искусанной в клочья губой. Илья помнил, как держал его за горло, не сжимая, а просто фиксируя, пока дилер не начал плакать.

— Я не знаю, кто ей поставлял! Клянусь, это был не мой товар! Ей передали конверт в клубе «Артефакт»! Какой-то парень в сером кардигане, она называла его «Архивариус»!

Илья помнил звук собственного голоса — тихий, лишенный всяких эмоций, от которого дилеру было страшнее, чем от побоев:

— Если ты соврал, я найду тебя. И я не буду спрашивать. Я просто заберу у тебя то, что ты любишь больше всего.

Он отдал системе не само воспоминание. Он отдал ей надежду. Ту крошечную, ядовитую искру надежды, которая вспыхнула в нем, когда дилер произнес слово «Архивариус». Илья три месяца жил этим словом, дышал им, оно было единственным топливом его поисков. Теперь Архив выкачивал это топливо, оставляя в груди только сухую, звенящую пустоту.

Камень отпустил руку. Илья отшатнулся, тяжело дыша. На обсидиановой поверхности алтаря не осталось ни капли влаги, но на том месте, где лежала его ладонь, на долю секунды проступил и тут же испарился отпечаток, выжженный до самого мяса.

«ДЕПОЗИТ ПРИНЯТ. БАЛАНС: 1. ДОСТУП К АРХИВУ: РАЗРЕШЕН», — вспыхнули нити.

Внутренняя поверхность алтаря пошла трещинами, осыпаясь не осколками, а тончайшим серым пеплом. Пепел закружился в воздухе, формируя интерфейс. Перед Ильей повисла трехмерная проекция — корневое меню базы данных Академии. Папки светились болезненным фиолетовым светом: «Персонал», «Финансы», «Учебный план», «Проект "Феникс"».

Илья, не касаясь воздуха, просто сфокусировал взгляд на нужной директории. Система считывала сетчатку.

Папка «Проект "Феникс"» открылась с тихим звоном быющего стекла. Внутри был только один файл.

«Объект: Л.В. (Лера Воронова). Статус: Завершен. Протокол интеграции. Аудио».

Илья активировал воспроизведение.

Пространство вокруг него исчезло. Остался только звук. Хриплое, сбитое дыхание Леры. Оно транслировалось не через динамики — оно звучало прямо в височных костях Ильи.

(Шум крови, гул в ушах. Звук разрываемой ткани.)

— Он... он сказал, что это просто катализатор... для эмпатии... чтобы сдать экзамен по теологии...

(Резкий, влажный вдох. Хрип.)

— Боже, оно жжет... Илья, если ты это слышишь... не ищи меня в воде. Вода — это просто... канализация. Они смывают туда брак. Если я исчезну, ищи меня в Архиве. Я стану... я стану одной из хороших девочек. Они обещали, что я стану хорошей...

(Тишина. На тридцать секунд. Только гул черного обсидиана.)

— Вера дала мне кардиган. Она сказала, что серый — это цвет пепла, а пепел не тонет. Илья, у меня больше нет кожи. Я чувствую, как замок дышит моей...

(Звук падения. Глухой удар тела о кафель. И последний, беззвучный выдох, который система поймала на уровне вибрации пола).

Файл оборвался.

Вокруг Ильи снова были влажные стены катакомб. Но пустота в груди, оставленная терминалом, теперь заполнилась не воздухом. Она заполнилась тяжелым, радиоактивным знанием.

Лера не утонула. Ее «смыло» как брак. И Вера была там. Вера в сером кардигане. Вера, которая сегодня так легко дала ему ключ от сектора «Д», зная, что он найдет там пепел своей сестры.

Илья достал из ботинка бубновый туз. Карта в его дрожащих пальцах казалась обжигающе горячей.

Он поднял глаза. В дальнем конце обсидианового коридора, там, где туннель уходил в абсолютный мрак, стоял силуэт.

Он не двигался. Он просто смотрел.

Илья моргнул. Силуэт исчез, но на влажном камне стены, на уровне человеческого роста, теперь темнело новое пятно. Оно светилось в темноте слабым ультрафиолетом и имело идеальную форму тернового листа.

Третья подсказка ждала его в крыле Веры.

Илья стер с губ привкус пепла и пошел к лестнице. Подниматься было тяжелее, чем спускаться. Гравитация в «Эшмуре» менялась в зависимости от того, сколько отчаяния ты нес на своих плечах.

Глава 4. Нити, светящиеся в темноте

Кампус спал, но сон в «Эшмуре» был лишь сменой декораций. Илья двигался по северному крылу, прижимаясь к стене. Коридоры здесь были устланы не коврами, а листами толстого войлока, поглощающими звук шагов. Воздух пах скипидаром, старым льном и озоном — кафедра реставрации находилась в самой старой части замка, где камни фундамента до сих пор помнили чуму.

Мастерская профессора Эванса была закрыта на латунный замок, который для студента семиотики не представлял никакой сложности. Илья использовал отмычку из закаленной стали — сувенир из прошлой, портовой жизни. Замок щелкнул с сухим звуком, который в ватной тишине крыла показался выстрелом. Илья замер, вжавшись в нишу. Секундой позже из-за угла вывернула дежурная монахиня-архивариус в черной суконной накидке. Ее лицо скрывал куколь, но Илья чувствовал на себе ее слепой, сканирующий взгляд. Она прошла мимо, шурша накрахмаленным хабитом, не повернув головы. В «Эшмуре» молчание было лучшей маскировкой.

Илья проскользнул внутрь.

Мастерская напоминала прозекторскую для текстиля. Вдоль стен стояли деревянные рамы для натяжки тканей, на столах лежали хирургические инструменты: крошечные скальпели, пинцеты для удаления старой пыли, шприцы с рыбьим клеем. Под стеклянными колпаками покоились полуразрушенные ризы, изъеденные молью хоругви и саваны, снятые с забальзамированных тел основателей Академии.

Гобелен висел на дальней стене. Он был огромен — три на четыре метра, — и изображал сцену изгнания из рая. Но вместо змея у древа познания клубился черный, жирный дым, а лица Адама и Евы были скрыты под серебряными масками. Узор из терновника, о котором говорила Вера, оплетал их фигуры, впиваясь в плоть. Днем это был просто шедевр готического ткачества. Ночью, в свете Ильиных фонариков, это была анатомическая карта боли.

Он достал из сумки ультрафиолетовый фонарь. Узкий, тяжелый, предназначенный для поиска пятен крови на месте преступления. Включать его здесь было рискованно — УФ-излучение могло повредить древние пигменты, и датчики движения в мастерской наверняка зафиксируют скачок спектра.

У Ильи не было выбора. Он должен был знать.

Он выключил верхний свет. Мастерская погрузилась в абсолютную, могильную темноту. Илья накинул на голову глубокий капюшон толстовки, оставляя для глаз лишь узкую щель, и нажал кнопку.

Комната взорвалась цветом.

Обычный, выцветший от времени лен и шерсть осыпались в восприятии серой трухой. А нити рисунка вспыхнули неоновым, болезненным фиолетовым. Терновник светился ярче всего. Но Илья смотрел не на него. Он смотрел на пространство между фигурами, на черный дым.

Ткач, создавший этот гобелен четыреста лет назад, был гением стеганографии. Он вплеl текст в негатив. Там, где не было нити, где была пустота, в ультрафиолете проступали буквы. Они светились не фиолетовым, а мертвенно-белым, фосфорным светом. Текст был написан не краской. Он был написан отсутствием материи.

Илья подошел ближе, водя лучом по полотну. Его руки, уже покрытые серой пылью из сектора «Д», мелко дрожали. Он начал читать, вслух, чтобы не сойти с ума от тишины:

— «Объект Л.В. Индекс интеграции: 04.04. Уровень боли: критический. Субстанция: не кровь. Субстанция: ликвор и соли таллия. Протокол не требует анестезии. Хорошие девочки не кричат. Хорошие девочки становятся структурой».

Илья перехватил фонарь. Луч метнулся ниже, к основанию древа, где терновник впи-
вался в корни.

— «Вера солгала. Кардиган — это не пропуск. Это заземление. Когда тело начинает
искрить от эмпатии, металл на шее сжигает нервную систему, чтобы замок не сгорел вместе
с нами. Она знала, что катализатор сожрет мои легкие. Архивариус в "Артефакте" — это не
поставщик. Это лаборант. Он просто брал анализы. Вера — главный хирург».

Луч пополз к краю гобелена, где заканчивался узор и начиналась кайма. Там, в самом
углу, куда никогда не заглядывал глаз зрителя, нити были завязаны в узлы. Узлы, которые
не распутывают, а срезают. Илья посветил на них.

Узлы складывались в координаты. Широта и долгота. И дата.

59.9342, 30.3350. 22.11.2021.

Санкт-Петербург. Двадцать второе ноября. Ночь исчезновения. Лера оставила ему карту
не подземелий «Эшмура». Она оставила ему точку на карте материка. Место, куда вывезли
«брак».

— Кто здесь?

Голос ударил Илью по барабанным перепонкам. Холодный, лишенный возраста, с легким
присвистом.

Илья резко развернулся, гася фонарь. Темнота ударила по глазам, ослепляя после нео-
нового свечения.

В дверях мастерской стоял профессор Эванс. На нем был тяжелый фартук из свиной
кожи, испачканный в чем-то буром. В руках он держал не скальпель. Он держал старинный
утюг на углях, от которого поднимался сизый дымок. Раскаленное докрасна железо шипело.

— Семиотик не должен трогать чужие саваны, — сказал Эванс, делая шаг вперед. —
Особенно если на них кровь его собственной сестры. Пепел требует уважения. А ты, мальчик,
только что наследил своими грязными мыслями по всему моему полотну.

Илья метнулся в сторону, уходя с линии атаки, и врезался спиной в раму с натянутой
тканью. Древесина затрещала. Он схватил со стола первое, что попало под руку — тяжелую
банку с рыбьим клеем.

Эванс поднял утюг. В темноте мастерской запахло паленым волосом.

— Деканат не любит, когда студенты ищут то, что было официально смыто, — прошипел
профессор, заноса раскаленный металл. — Твоя сестра была очень, очень хорошей девочкой.
Она почти не кричала, когда мы вшивали ей первую нить.

Илья, не целясь, швырнул банку с клеем. Она попала Эвансу не в лицо — в грудь, чуть
ниже ключицы. Банка лопнула. Густой, ледяной рыбий клей залил раскаленное железо. Разда-
лось оглушительное шипение, повалил едкий пар, пахнувший горелым белком и озоном. Эванс
взвыл — не от боли, от ярости — и выронил утюг. Раскаленный металл с грохотом упал на
каменный пол.

Илья не стал ждать второго удара. Он плечом выбил ближайшее окно. Древняя рама,
рассчитанная на осаду, но не на панику студента, поддалась. Осколки толстого стекла посыпа-
лись в ночь, на кусты шиповника под северной стеной.

Илья перекатился через подоконник, обдирая ладони, и рухнул в мокрую, холодную
листву.

Он бежал, не разбирая дороги, пока легкие не начало жечь огнем. Он остановился только
в тени старой колокольни, задыхаясь.

Его руки были в рыбьем клее и крови — его собственной, от порезов стеклом. Но под
ногтями, смешиваясь с грязью, темнела серая, фосфоресцирующая пыль.

Он посмотрел на север. Координаты на гобелене вели в промзону на окраине Петербурга.
В старый крематорий, закрытый пять лет назад из-за «несоответствия экологическим нормам».

Илья стер со щеки слезу. Она оставила на коже грязный серый след.

Синдром пепла больше не подбирался. Он наступил. Его кожа начала шелушиться по краям. (Эстетика использования ультрафиолетового света для выявления скрытых улик и биологических жидкостей является классическим приемом в криминалистике, который здесь переносится в мистический контекст дарк-академии).

Глава 5. Анатомия бессонницы

Илья не спал.

В казематах общежития для стипендиатов не было окон, а камень стен вытягивал тепло быстрее, чем остывала кровь. Он сидел на краю узкой койки, привалившись спиной к ледяной кладке, и смотрел на свои руки. В тусклом свете единственной красной лампы аварийного освещения кожа выглядела нормально, но Илья знал: это обман. Если он проведет ладонью по лицу, на щеке останется сероватый, жирный след, пахнущий старой библиотекой и сожженной плотью. Синдром пепла перестал быть метафорой. Эпидермис отслаивался микроскопическими чешуйками, обнажая под собой глянцевую, пергаментную бледность.

Дверь комнаты не имела замка. В «Эшмуре» запираť двери считалось дурным тоном — замок подразумевал, что тебе есть что скрывать от Деканата, а Деканат видит всё.

Поэтому, когда в третьем часу ночи с той стороны раздался звук, похожий на шелест пересыпаемого песка, Илья даже не вздрогнул. Он просто поднял глаза.

Вера стояла на пороге.

На ней не было твидового костюма. Только длинная, до пола, ночная сорочка из некрашеного льна. В полумраке коридора она казалась призраком, сотканным из того же праха, что оседал в легких Ильи. На ее шее по-прежнему висел латунный ключ, но теперь он казался не украшением, а частью анатомии — странным, тяжелым наростом на ключице.

— Ты пропустил утреннюю литургию, — сказала она. Ее голос не отражался от стен, а впитывался в них. — Профессор Эванс рвет и мечет. Говорит, какой-то вандал разбил окно в его склепе и украл банку с рыбьим клеем.

Илья медленно разжал пальцы. На ладони лежал жетон 404. Латунь была теплой, почти обжигающей.

— Он украл больше, чем клей, — голос Ильи звучал хрипло. В горле першило. — Он украл протокол.

Вера шагнула внутрь. Комната была крошечной — пять шагов в длину. Когда она подошла к его койке, пространство исчезло. Остались только запах озона, звук ее дыхания и пульсирующий ключ на ее груди.

— Ты прочитал гобелен, — это был не вопрос. — Ты нашел координаты. Ты глупец, если думаешь, что там, в промзоне, ты найдешь тело. Мы не оставляем тел, Илья. Мы оставляем только вклад в общее дело.

— Ты знала, что катализатор сожжет ей легкие, — Илья поднял на нее глаза. В красном свете лампы его собственные зрачки казались черными дырами. — Ты дала ей кардиган. Ты заземляла ее, пока Архивариус вводил ей соли таллия.

Вера улыбнулась. Уголки ее губ дрогнули, но глаза остались мертвыми.

— Я спасала ей жизнь. Без заземления ее мозг расплавился бы за первые десять минут интеграции. Я дала ей шанс стать вечной. Стать структурой. Стать частью замка, который переживет и тебя, и меня. Разве это не милосерднее, чем гнить в земле?

Она села на край койки. Пружины не скрипнули. Илья физически ощутил вес ее присутствия — холодный, тяжелый, как надгробие. Вера протянула руку и коснулась его шеи. Ее пальцы были ледяными, но прикосновение обожгло. Она нащупала пульс на его сонной артерии.

— Ты отдал терминалу воспоминание, — прошептала она, наклоняясь так близко, что ее губы коснулись мочки его уха. — Самое яркое. То, где она кричит на тебя. Как она заставила тебя прыгнуть в ледяную воду. Ты чувствуешь пустоту?

Илья кивнул. Он не мог говорить. Под кожей шеи, там, где прошелся ее палец, начал проступать серый узор — тонкий, как капиллярная сетка.

— Это только начало, — Вера провела пальцем по его ключице. — Пепел не болит. Болит отсутствие. Ты ищешь ее на материке, в крематориях, но она здесь. Она в каждом камне. Вчера ночью, когда ты пытался уснуть, ты слышал, как по коридору кто-то катит металлический стол?

Илья замер. Он списал этот звук на старые трубы отопления.

— Это Архивариус делал обход, — продолжила Вера. — Проверял целостность сосудов. Твоя сестра сейчас — это часть системы отопления северного крыла. Она согревает постели первокурсников. Ей не холодно, Илья.

Она резко отстранилась. Ее движение было неестественно быстрым, ломаным, как у марионетки, за которую дернули слишком сильно.

— Ты хочешь ее вернуть? — спросила Вера, и в ее янтарных глазах впервые за всё время мелькнуло что-то похожее на интерес. — Не найти прах. А вытащить сознание из Архива?

— Как? — выдохнул Илья.

— Для этого нужен исходник, — Вера коснулась своего латунного ключа. — Ключ от главного Архива. Он хранится у Ректора. Но Ректор не отдает свои игрушки. Чтобы получить ключ, нужно предложить равноценный обмен.

— Что может быть равноценно ключу от всего замка? — Илья сжал жетон 404 до побеления костяшек.

Вера медленно, театрально улыбнулась, обнажая зубы, которые в красном свете казались слишком острыми.

— Твоя собственная интеграция.

Она достала из складок сорочки маленький стеклянный шприц. Стекло было мутным, а жидкость внутри — густой, черной, как старые чернила, и светилась изнутри слабым фиолетовым огнем.

— Это не катализатор Леры. Это стабилизатор. Если я введу его тебе сейчас, синдром пепла остановится. Кожа перестанет шелушиться. Ты сможешь дышать. Но в твою кровь будет введена моя метка. Ты станешь моим. Частью «Серापиса». А когда Ректор придет забирать твой разум для Архива, я буду стоять рядом и торговаться.

Она перехватила шприц, как дротик. Игла поймала блик красной лампы.

— Добровольно, Илья. Или я позову Эванса. Он принесет свой уют, и мы начнем вшивать тебя в гобелен без анестезии. Выбор за тобой. Пепел снаружи или пепел внутри.

Илья смотрел на черный светящийся яд в шприце. Он думал о координатах на гобелене. О пустоте в груди, где раньше жила надежда. О том, как Лера кричала на него, заставляя прыгнуть в ледяную воду, потому что знала — он слишком боится смерти, чтобы жить.

Илья закрыл глаза.

— Вводи, — сказал он.

Вера не стала медлить. Она схватила его за руку, заломив ее за спину с силой, которой не было в ее хрупком теле. Прижала его лицом к ледяному камню стены. Илья почувствовал, как холодный воздух сменяется холодом стекла, а затем — коротким, злым укусом иглы в основание шеи, прямо под затылочную кость.

Черная жидкость вошла в вену не струей, а вязким, пульсирующим ударом.

Сначала было огненно. Казалось, что по позвоночнику вверх течет расплавленный свинец. Илья закричал, но звук застрял в горле. А потом огонь сменился абсолютным, звенящим холодом.

Он почувствовал, как его кости становятся стеклянными. Как кровь замедляет бег, превращаясь в густую, тяжелую смолу. Серый пепел на его руках вспыхнул фиолетовым и втянулся обратно под кожу.

Синдром пепла отступил. Но на его место пришло нечто иное.

Илья услышал звук.

Это не был звук капающей воды или ветра в трубах. Это был гул миллиардов нейронов, работающих в унисон. Он слышал, как на минус третьем ярусе капеллы первокурсник думает о своей матери. Он слышал, как в западном крыле профессор математики планирует самоубийство. Он слышал, как в самом сердце замка, глубоко под фундаментом, дышит нечто древнее, и это дыхание синхронизируется с его собственным.

Метка Веры заработала.

Он больше не был просто Ильей, переводившимся на кафедру семиотики. Он стал антенной.

Вера вытащила иглу и отбросила шприц. Он звякнул о камень и покатился под койку.

— Добро пожаловать в клуб, — сказала она, вытирая выступившую на его шее капельку черной крови краем своей сорочки. — Теперь ты чувствуешь замок. Попробуй уснуть. Завтра у тебя первый экзамен. И не опаздывай на литургию. Хорошие девочки не пропускают утренние молитвы.

Она вышла. Дверь закрылась без щелчка, поглотив звук ее шагов.

Илья остался сидеть на койке, привалившись к стене. Он больше не чувствовал холода. Он вообще мало что чувствовал ниже шеи. Он поднял руку к лицу. Кожа была гладкой, бледной, идеальной.

Но когда он сжал пальцы в кулак, на ладони, там, где лежал жетон 404, остался выжженный, черный отпечаток в форме лабиринта.

Илья посмотрел на жетон. Металл больше не был теплым. Он был ледяным. И на его поверхности, там, где только что была кожа Ильи, проступила свежая, влажная надпись, светящаяся в темноте красным: «СОБСТВЕННОСТЬ ВЕРЫ. КЛАСС: РЕЗЕРВНЫЙ СОСУД».

Глава 6. Анатомия лжи

Литургия в Академии «Эшмур» начиналась не с молитвы, а с тишины.

Главный неф капеллы был вырублен прямо в скале. Вместо витражей здесь стояли экраны из матового черного стекла, на которых никогда ничего не транслировалось. Вместо ладана курильницы источали едва уловимый запах озона и жженой кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.